

Глава 37. Видения Губительных сил. (Гермиона)

Локхарт спал. Спал и видел сон. Конечно, в таком месте, как Азкабан, рассчитывать на хорошие сны было бы неоправданным оптимизмом... Но в самомнении Гилдероя никаких сомнений ни у кого не было. Он лег спать с желанием увидеть во сне Сейлину Трогар, он твердо верил в то, что увидит ее... и он ее увидел. Девушка вышла из стены, ласково погладила спящего Гилдероя по щеке и тихим, певучим голосом позвала:

— Поднимайся, Гилдерой, — Гилдерой вскочил, и стал заполошно оглядываться. Сейлина погладила его по руке.

— Я сплю... — пробормотал Локхарт.

— Спишь, — согласилась Сейлина. — И я тебе снюсь.

— А... о... ы... — высокоинтеллектуально высказался Локхарт.

— Но я могу прийти сюда и в реальности, если ты кое-что для меня сделаешь, — голос преподавательницы Магии Хаоса заволашевал в прямом смысле этого слова.

— Что?! — придушенно всхрипнул узник Азкабана.

— Начерти на стене вот такой символ... — и над тонкой ладонью девушки возник Знак, исполненный красоты и совершенства, но вне всякой логики.

Гилдерой поспешно закивал головой, схватил ложку, и принялся выцарапывать на камне стены Знак, продолжавший полыхать над рукой Сейлины. Получилось у него далеко не с первого раза. Несколько раз непривычные к труду руки обладателя первой премии за лучшую улыбку срывались, и незаконченный Знак оказывался перечеркнут. Приходилось начинать сначала. Казалось странным, что за все время, пока узник трудился, возле камеры не появилось ни одного дементора... Но Гилдерой не обращал никакого внимания на странности. В голове его медным гулом отдавалась одна мысль: «завершить работу, создать совершенный Знак, который показала ему профессор Трогар». И он старался.

Нанеся последний штрих, Гилдерой повернулся к своему идеалу за одобрением... но Сейлина покачала головой и поднесла Знак, горевший в воздухе, к его изображению на стене. Локхарт схватился за голову. В свете полыхающего символа его поделка смотрелась издевательством, злой пародией на красоту и совершенство, демонстрируемое самой красивой девушкой... И Гилдерой принялся править свою работу. Он трудился, в буквальном смысле этого слова «не жалея себя». Кровь падала на стену со стертых рук. И вот, наконец, работа была закончена.

Сейлина еще раз поднесла Знак к стене. Вырезанное на стене изображение по-прежнему казалось грубоватым... но уже не выглядело насмешкой и пародией.

— Хорошо, — кивнула Сейлина, наполняя душу Локхарта счастьем.

Она поднесла руку к творению Гилдерой, и Знак вспыхнул тем же огнем, которым горел символ над ее рукой, и выдвинулся вперед. Теперь Знак парил возле стены, освещая всю камеру, а за ним, на стене оставалась черная точка. Гилдерой был счастлив. Его идеал похвалила его. Она проявила внимание. Она...

Точка за Знаком стремительно разрослась, закрывая грубую, неровную поверхность стены зеркальной плоскостью, и оттуда, из-за Тьмы в камеру шагнул мужчина. Огромный настолько,

что под высоченные четырехъярдовые* потолки камеры ему пришлось серьезно пригибаться. Хрупкая, невысокая Сейлина была вошедшему чуть ниже пояса. Пришелец был закован в пурпурные, украшенные золотой росписью и шелковыми лентами доспехи. Торчащие штифты на нагрудной бронеплите указывали место, с которого в давние времена было сорвано какое-то украшение. Шлем вошедшего был пристегнут к поясу, и не скрывал мужественного лица. Даже шрам от давней раны смотрелся на нем штрихом, придающем законченность скульптурной композиции.

/*Прим. автора: 4 ярда — 3,6576 м*/

Сейлина подпрыгнула. Вошедший легко поймал ее и поднес у своему лицу. Парочка принялась страстно целоваться. Этого Локхарт не выдержал...

Гилдерой вскочил с подстилки, положенной каждому заключенному Азкабана и бросился вперед. На периферии его зрения мелькнула решетка с застывшим перед ней дементором, но для одержимого ревностью бывшего профессора, а ныне — дебошира и тюремного сидельца Локхарта это не имело никакого значения. Он летел вперед, чтобы вырвать свою любовь из рук этого...

Стена возникла перед носом ревнивца совершенно неожиданно. «Я же сплю!» мелькнуло с затуманенном сознании. Удар! И темнота милостиво укрыла истерзанный ревностью и похотью разум. Кровь Локхарта хлынула из рассеченной брови на странные царапины на стене, скрывая, и одновременно — активируя Знак.

* * *

— Ну и зачем? — обратилась я к Сейлине, откидываясь на теплые и шершавые чешуйки василиска. Созданное видение на грани между сном и реальностью потребовало от всех нас значительного расхода сил.

— Что — «зачем»? — с невиннейшим видом спросила меня профессор Трогар.

— Зачем было так издеваться над убогим? Он ведь действительно...

— Хочет меня поиметь? Действительно хочет, — злобно усмехнулась Сейлина. — А к его видениям после прорисовки Знака я не имею никакого отношения. Это дементор подобрался.

— Нда? — Мори приподнялся с сиденья, которое ему организовал Хаашес, и обнял меня, — а откуда это «подобравшийся дементор» знает, как выглядят доспехи Детей императора? Да еще и с точностью до штифтов от сорванной аквиллы, говорящих, что перед нами — Астартес, участвовавший в Великом крестовом походе и Ереси Хоруса?

— Ну... — Сейлина смущенно потупилась. — Да! Я подправила видения... но только для того, чтобы все было правильно. Так, как должно быть. А то у этого недоумка криворукого... даже Знак не мог правильно начертить — все равно править пришлось, и кошмары какие-то грубые и несовершенные. В конце концов, это просто оскорбительно! Да и реальная кровь лучше активировала Знак, чем видение крови...

— С этим — не поспоришь... — «умыл руки» Мори.

Меня же захватило новое видение.

* * *

Небольшой и не слишком уютный домик. Повсюду, на всех горизонтальных поверхностях уверенно разлеглись самые разнообразные коты и кошки. Пожилая женщина сидит в кресле-качалке, у нее на коленях — особенно крупных кот, которого она ласково поглаживает.

— Арабелла! — раздается голос из камина. — Я вхожу.

Сидящая в кресле поднимает голову.

— Входи, Альбус.

Из камина элегантно выходит Дамблдор.

— Арабелла, скажи мне, пожалуйста, не заходил ли к Дурслям священник? -вежливо спрашивает директор, устраиваясь у окна.

— Не, не заходил... или... А может и заходил. Серый такой весь, неприметный. С трудом вспомнила. Точно. Был. И не один раз, — вспоминает старушка.

— Так какого ты мне об этом не доложила?! — вспыхивает директор Хогвартса.

— А о чем докладывать? Дурсли у нас — семья отхо... орхо... орходаксальная. Вот. Волшебствования всякого — пуще огня боятся. Вот, небось, и пригласили священника, чтобы бесов из Гаррички нашего повыгнал. Да только не справился священник, вот и звали его раз за разом...

— Ах ты, кошелка старая... — взвился Дамблдор. — Немедленно докладывать надо было. Тебя здесь зачем посадили? Это же был инквизитор!

— КАК — инквизитор?! Не может такого быть! Инквизиторы они... такие... такие...

— Какие же? — поинтересовался Дамблдор.

— Высоченные. Страшные. Силой пыхають, и огонь пламенный изо рта извергают... чтоб людей, значит, жечь сподручнее было!

Дамблдор схватился за голову, не зная, браниться ему, или рассмеяться в голос. В конце концов, он пришел к промежуточному решению.

— Так. Быстро собирай своих котов, кошек и котят. Нечего здесь тебе больше делать.

И через полчаса никто из обитателей Литтл Уигинга не смог бы и вспомнить, что в двух кварталах от дома номер 4 по Тисовой улице стоял когда-то неприметный дом, в котором жила еще более неприметная старушка.

* * *

— Это вправду было? — спросила я, вырвавшись из потока видения.

— Кто знает? — ответил Гарри, наблюдавший видение вместе со мной. — Может — было. Может — не было. А может, было, но не у нас, а у Сопределов поблизости... Поживем — увидим.

— Ага, — кивнул Драко. — Увидим. Особенно, если эта тихая старушка появится где-нибудь в Кроули...

<http://tl.rulate.ru/book/69518/1850336>